

УДК 94(47).04

DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-2-298-307

**ОБСТАНОВКА НА ГРАНИЦЕ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ
РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И РОССИИ
НАКАНУНЕ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ РАДЫ 1654 ГОДА**

**THE SITUATION ON THE BORDER OF THE UKRAINIAN LANDS
OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH AND RUSSIA
ON THE EVE OF THE TREATY OF PEREIASLAV 1654**

А.И. Папков

A.I. Papkov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Papkov@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье анализируется роль переселенцев из Речи Посполитой в формировании общего военного потенциала южной окраины России в середине XVII века. Показано влияние международной обстановки и пограничной ситуации на расселение украинцев в этом регионе. Анализ обстановки на российско-украинском порубежье в 1648–1653 гг. позволяет заключить, что с началом восстания Б. М. Хмельницкого в 1648 г. обстановка на границе между украинскими землями Речи Посполитой и Россией осложнилась. Решение о вхождении Украины в состав Российского царства не изменило ситуацию на границе. Опасения в отношении украинских казаков сохранялись вплоть до 1654 г. В сравнении с поляками Богдан Хмельницкий был настроен по отношению к России более лояльно, но хуже контролировал ситуацию. Союз с крымским ханом накладывал на гетмана определенные обязательства. Б. М. Хмельницкому приходилось неоднократно заверять хана в готовности совместно с татарами выступить против России. Кроме того, угроза вторжения в Россию позволяла казацкому гетману оказывать давление на московское правительство, требуя от него помощи. Таким образом, российско-украинские отношения, вплоть до вхождения Украины в состав России, определялись политическим расчетом и соображениями государственной безопасности. Новым явлением стали прямые переговоры с Войском Запорожским, фактически признанным обладателем суверенных прав. Однако это обстоятельство не изменило отношения к украинским казакам в приграничной зоне. Они по-прежнему рассматривались как иностранные подданные и постоянный источник угрозы для российских владений. Ситуация изменилась только после Переяславской рады 1654 г., в результате чего бывшие польские подданные стали подданными Российского царства, а рассматриваемая территория перестала быть приграничной зоной.

Abstract

The article analyzes the role of settlers from the Polish-Lithuanian Commonwealth in the formation of military resources of the southern edge of Russia in the middle of the XVII century. Analysis of the situation on the Russian-Ukrainian borderline in 1648-1653 allows us to conclude that with the beginning of the uprising B. M. Khmelnytsky in 1648, the situation on the border between the Ukrainian lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia deteriorated. The decision on the introduction of Ukraine into the Russian Tsardom has not changed the situation on the border. Concerns about the Ukrainian Cossacks remained until 1654. In comparison with the poles, Bogdan Khmelnytsky was set in relation to Russia is more loyal, but less control over the situation. The alliance with the Crimean Khan imposed on Hetman certain responsibility. B. M. Khmelnytsky had to repeatedly assure Khan ready together with the Tatars against Russia. Moreover, the threat of invasion of Russia allowed the Cossack Hetman to exert pressure on the Moscow government, demanding help from him. The Russian-Ukrainian relations until

the occurrence of Ukraine in structure of Russia, was determined by political calculation and state security reasons. A new phenomenon began direct negotiations with the Zaporizhzhya state administration, in fact, a recognized holder of sovereign rights. However, this fact does not change the attitude to the Ukrainian Cossacks in the border area. They were still regarded as foreign nationals and as a constant source of threat to the Russian possessions. The situation changed only after the Treaty of Pereiaslav 1654, resulting in the former Polish citizens became subjects of the Russian Tsardom, and the area in question ceased to be a border area.

Ключевые слова: Российское царство; Юг России; Днепро-Донская лесостепь; Речь Посполитая; Переяславская рада 1654 г.; порубежье.

Keywords: Russian Tsardom; South of Russia; Dnepr-Don forest-steppe; Polish-Lithuanian Commonwealth; the treaty of Pereiaslav 1654; frontier; borderland, frontier.

Начиная с 80-х гг. XVI в. и до 1654 г. в районе соприкосновения земель России и Речи Посполитой существовала территория, которая вполне может быть охарактеризована как зона фронта. Географически это было пространство Днепро-Донской лесостепи (российское правительство считало Днепро-Донскую лесостепь своей территорией, частью Северских земель. Лежавшие южнее границ Российского государства неосвоенные земли назывались «Подем», в исторической литературе нередко встречается ошибочное наименование «Дикое Поле». Соответственно пограничная российская территория именовалась Северской и Польской украинскими «окраинами». [Папков, 2011]). Начиная с конца XVI и на протяжении всего XVII столетия, она являлась зоной взаимодействия переселенцев, прибывавших с территории центральных уездов России (подавляющее большинство переселенцев из центральных районов России попадало на Польскую окраину в результате государственной переселенческой политики, количество беглых, оседавших в этом регионе, было невелико), и выходцев из украинских земель Речи Посполитой. Дореволюционные историки, рассматривавшие переселение черкас в Россию, обращали внимание на их усердную службу [Беляев, 1846, с. 52] и размах переселенческого движения [Багалея, 1886]. Советские историки сформулировали концепцию, согласно которой, российские власти обращались с черкасами гораздо лучше, чем с русскими служилыми людьми [Тхоржевский, 1923, с. 77]. Исследователи отмечали благожелательное отношение российских властей к украинским казакам – черкасам [Козаченко, 1952, с. 12] и видели в этом проявление братских отношений двух народов [Дядиченко, Стецюк, 1954, с. 14]. Украинская историография начиная с 90-х гг. XX в. сосредоточилась на разработке концепции «национальной революции 1648–1676 гг.», в результате чего основное внимание стало уделяться сюжетам развития украинской государственной идеи и началу становления украинского монархизма в период восстания Б.М. Хмельницкого, а также проблеме генезиса украинского казачества. Вместе с тем, вопросы порубежного взаимодействия не стали предметом активного изучения [Смолий, Степанков, 1999; Брехуненко, 2011].

Таким образом, в историографии внимание акцентировалось на тех сторонах российско-украинского взаимодействия, в которых проявлялась обоюдная заинтересованность, однако сохранившиеся источники позволяют говорить о том, что процесс пограничного взаимодействия был более сложным и противоречивым. Исходя из этого, цель исследования заключается в определении характера взаимодействия жителей приграничных территорий и действий представителей государственных властей России и Речи Посполитой на порубежье (в зоне фронта) в период, непосредственно предшествовавший вхождению Днепро-Донского Левобережья в состав России в 1654 г. Такая постановка вопроса позволяет определить факторы, оказавшие влияние на включение украинских земель Речи Посполитой в состав России, оценить отношение как населения, так и государственных структур России к украинским казакам-черкасам, представлявшим собой к середине XVII столетия наиболее реальную политическую и общественную силу на территории Левобережья Днепра.

Для реализации поставленной цели необходима соответствующая источниковая база. Ее основу составляют материалы российского приказного делопроизводства и дипломатическая документация, в значительной степени опубликованные [см.: АМГ, т. I–II; АИ, т. II–III; АЮЗР т. III; ААЭ, т. II–IV]. Архивы, созданные во время восстания Б.М. Хмельницкого (1648–1653 гг.) войсковой и гетманской канцеляриями, почти полностью утрачены, а сохранившиеся – использованы при подготовке настоящей статьи [Гісцова, 1979, с. 46]. В архивах Польши имеются различные материалы, связанные с изучаемым регионом, но в силу различных обстоятельств, они не составляют целостного массива источников [Поршнева, 1964, с. 513; Кулаковський, 2006, с. 11–14].

В конце XVI в. на просторах Днепро-Донской лесостепи встретились два переселенческих потока: с российской территории и из украинских земель Речи Посполитой. При этом российская колонизация была преимущественно правительственной, а «украинская» не имела государственной поддержки, в ее основе было вольное переселение из центральных районов Речи Посполитой, и только в 20–30-е гг. XVII в. начинает проявляться поддержка этого процесса отдельными польскими магнатами.

Значительные массы выходцев из Речи Посполитой пытались основать постоянные поселения в районах, уже считавшихся российским правительством своими. Однако в конфликте между Российским государством и переселенцами из Речи Посполитой было найдено компромиссное решение. Переселенцев-черкас стали верстать на российскую службу, в результате чего за несколько десятилетий на южной окраине России сформировался особый слой населения – служилые черкасы, которые нередко продолжали именовать себя «иноземцами».

В 1648–1654 гг., в период восстания Б. М. Хмельницкого и попытки создания казацкой государственности, в качестве новой самостоятельной политической силы региона выступило Войско Запорожское. В это же время происходит политическое сближение Российского царства с Речью Посполитой [см.: ВУСР, 1954, т. II, с. 12]. В целом, начало восстания Б.М. Хмельницкого встревожило российскую администрацию. Конфигурация границы между украинскими землями Речи Посполитой и Россией после 1648 г. не изменилась. Только теперь с Россией граничили не польские староства, а земли Черниговского, Миргородского и Полтавского полков [Крип'якевич, 1966, с. 125]. Восстание на Украине не соответствовало планам российского правительства, направленным на закрепление сближения с Польшей и избранием Алексея Михайловича на польский престол. Поэтому на начальном этапе восстания Б.М. Хмельницкого российские власти не оказывали помощи черкасам. Однако с реализацией планов династической унии опоздали, польским королем стал Ян-Казимир [см.: Лызлов, 1959, с. 108–109; Лызлов, 1958, с. 70–77].

Польское правительство, ссылаясь на договор 1648 г. о совместной борьбе с Крымским ханством и «с общими врагами», пыталось привлечь Россию к действиям против восставших черкас [АМГ, 1896, т. II, с. 201]. Возможность включения России в борьбу с повстанцами тревожила Богдана Хмельницкого [Бантыш-Каменский, 1842, с. 218–219]. Гетман расценивал сношения русских воевод с польскими как подготовку к совместному выступлению против восставших казаков [См., например: АЮЗР, 1861, т. III, с. 222, 228]. Российские власти утверждали, что войска находятся на границе для отражения вторжений татар [АЮЗР, 1861, т. III, с. 223; ВУСР, 1954, т. II, с. 74]. О получении одного такого письма рассказывается в отписке хотмыжского воеводы Семена Болховского от 25 августа 1648 г. По государеву указу к Б.М. Хмельницкому с грамотой был отправлен Тимофей Милков. Гетман велел прочитать полученный царский «лист» перед всем войском. После его оглашения черкасы на радостях учинили стрельбу в воздух, говоря, что они: «...всем войском рады, что от твоих государевых ратных людей на их Украину войны не будет». Воспользовавшись хорошим настроением гетмана, Т. Милков смог добиться освобождения путивльцев Якова Сулежина с товарищами. Ранее эти российские подданные были

перехвачены при возвращении с грамотами от А. Киселя и кн. И. Вишневецкого. До прибытия гонца из Хотмыжска их собирались зарубить или продать крымцам¹.

На самом деле Россия не собиралась включаться в борьбу против восставших. Варшаву заверяли лишь в том, что не будут помогать повстанцам [ВУСР, 1954, т. II, с. 321]. Воеводам пограничных крепостей было указано идти на помощь войскам Речи Посполитой против татар только в том случае, если у поляков с черкасами «не будет войны»².

На территории самого Российского царства продолжались нападения черкас на станицы и сторожи. Такие нападения еще в предшествующие десятилетия стали для черкас источником получения имущества, прежде всего, оружия и лошадей. Весной 1648 г. в Валуйку поступил царский указ о направлении в степь станиц для обнаружения «воровских» черкас на реках Северском Донце и Тору³. Отписка хотмыжского воеводы кн. Семена Болховского свидетельствует о том, что набеги черкас в рассматриваемое время не были эпизодическим явлением [АЮЗР, 1861, т. III, с. 193]. Черкасские вторжения, подобно татарским, лишали земледельцев домашнего и тяглого скота. Кроме того, сами российские сторожи и станицы становились целью черкасских нападений, так в 1648 г. чугуевские дети боярские, побывавшие в плену у воровских черкас, говорили воеводе: «И спрашивали их те черкасы: о кою пору ездят станичники в доезды и около города разъезжают, и где под городом ходят конские и животные стада» [АЮЗР, 1861, т. III, с. 197]. Летом 1650 г. 500 черкас захватили ольшанских детей боярских, охотившихся в верховьях р. Богучара. Этих пленных пытали, заставляя выступить проводниками для похода под российские города⁴.

Одновременно предпринимались попытки стабилизировать обстановку на границе. 16 июня 1648 г. в деревню Рожкович Севского уезда приехало около полусотни черкас. Драгуны, находившиеся в деревне, вооружившись, вышли к ним навстречу, ожидая нападения. Но прибывшие черкасы сказали, что «...от запорожского войска указ им учинен такой, что с твоими государскими людьми не велено задираться ни за что, и все де они войском запорожские казаки тебе служить рады» [АМГ, 1896, т. II, с. 229]. В условиях войны с поляками гетману не выгодно было конфликтовать с восточным соседом. При этом черкасы требовали не принимать на российскую территорию бегущих от них польских подданных, обещая в противном случае изрубить пять-шесть деревень «государевых крестьян» [АЮЗР, 1861, т. III, с. 225]. Вероятно, часть жителей порубежья, не желая нести тяготы, связанные с обеспечением восставших казаков, или непосредственно принимать участие в боевых действиях, устремилась за более спокойной жизнью на соседние российские земли. Российские власти решили не пропускать польских подданных через границу.

Тем не менее казацкий гетман сохранял недовольство. Так, посланные с письмом в Чигирин Василий Буров и Марк Антонов передали путивльским воеводам слова, якобы, произнесенные в их присутствии Б.М. Хмельницким: «Вы де все за дубье, да за пасеки говорите, а я де все и города московские и Москву сломаю». Так гетман реагировал на отказ России оказать непосредственное военное содействие восставшим. Его высказывания свидетели излагали так: «А он де, гетман, с тобою, государем, не мирился и креста ни в чем не целовал <...> Да и то де, государь, им Василью и Марку, он, гетман, сказал, что говорит он им про то не тайно, что подлинно де идет он на твое Московское государство войною тотчас под Путивль и на иные твои украинные города и под Москву». Информация подтверждалась другими донесениями [см.: ВУСР, 1954, т. II, с. 253, с. 284; АЮЗР, 1861, т. III, с. 377–379]. В сентябре 1649 г. слухи о подготовке гетманом «большой войны» с «Москвой» стали известны в Севске [АЮЗР, 1861, т. III, с. 357]. В ноябре этого же года сведения о подготовке запорожцев к походу в Россию подтвердили лазутчики, посланные в Речь Посполитую из Недрыгайлова⁵.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 569. Л. 36–38.

² Там же. Л. 166–169.

³ Там же. № 567. Л. 238–240.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 314. Л. 53.

⁵ Там же. № 304. Л. 180–182.

Стало известно о том, что более тысячи черкас в начале мая 1649 г. пошли «для воровства» под российские украинные города. Цель набега – конские табуны и стада крупного рогатого скота [ВУСР, 1954, т. II, с. 198]. В том же году из Путивля поступили данные о готовящемся без ведома гетмана походе на Путивльский уезд 10 тыс. татар и 8 тыс. черкас [АЮЗР, 1861, т. III, с. 362, с. 380]. 30 апреля 1650 г. на Дон прибыло посольство от Б. М. Хмельницкого. Оно потребовало прекращения действий донских казаков против Крыма и Турции [РИБ, 1906, т. XXIX, стб. 442–443, 517, 521]. Донцы воздержались от походов, вторжение не состоялось, но напряженность сохранялась и в дальнейшем. В апреле 1650 г. в Москву поступили известия о подготовке совместного похода гетмана Богдана Хмельницкого и короля Яна-Казимира, заключивших к этому времени мир [ВУСР, 1954, т. II, с. 358–363]. Однако белгородский лазутчик Родион Павлов, вернувшийся из разведки, сообщил об отказе казацкого гетмана от похода, поскольку во время войны с поляками Россия помогала черкасам продовольствием. В то же время, по словам жителей Гадяча, гетман отправил разведчиков для определения численности войск, находящихся в Белгороде [ВУСР, 1954, т. II, с. 378–379]. Возвратившийся в октябре 1650 г. в Вольный из Киева черкашенин Семен Назаров сообщил, что Б.М. Хмельницкий с запорожцами и татарами совершит вторжение на российские украинные города после начала Филиппова поста (15 ноября). Он же указал главные объекты удара – Путивль и Белгород. В качестве причины называлось разорение донцами крымских улусов в то время, когда татары помогали Хмельницкому сражаться с поляками¹.

Посланный для сбора информации белгородский сотник Петр Прохоров доложил 7 ноября 1650 г. воеводам Б. Репину и Д. Карпову о том, что черкасы не собираются нападать на приграничные города в ближайшее время. Однако «...иные де, черкасы, напився пьяны, по корчмам говорят: не зарекаютца де, государь, они, черкасы, твои государевы украинные города воевать и зипуны твоих государевых русских людей носить» [ВУСР, 1954, т. II, с. 466–467]. Согласно царского указа от 29 октября 1650 г., воеводам украинских городов следовало быть готовым к совместному черкасско-татарскому вторжению, которое ожидалось на Филиппов пост [ПСЗ, 1830, т. I, с. 248]. Тревожные сведения подтверждались донесениями лазутчиков, которых российские власти осенью 1650 г. активно направляли на Левобережье Днепра².

Заслуживают внимания события, произошедшие 10 ноября 1650 г. в Ромнах. В этот день, в соответствии с указом гетмана, задержали всех российских купцов, торговавших на ярмарке (7 из Рыльска и 20 из Путивля). Смогли убежать двое путивльцев, хотя черкасам под угрозой смертной казни было велено никого не упустить. Черкасы готовили пушки, коней и продовольствие для похода на российскую территорию³. Приведенные факты позволяют предположить, что Богдан Хмельницкий готовился к походу на Польскую и Северскую Украины Российского царства, поэтому и распорядился задержать купцов, которые могли проинформировать об этом российские власти. В Москве объективно оценивали поступающие с границ России известия. Об этом свидетельствуют грамоты к воеводам приграничных крепостей, в которых говорится о необходимости подготовки к обороне от черкас. Организация обороны на пути черкасско-татарского набега была поручена Б.А. Репнину.

Российские власти получили сведения о том, что Б.М. Хмельницкий обещает лично возглавить поход черкас на украинные российские города [ВУСР, 1954, т. II, с. 353]. Распространялись слухи о походе гетмана в том случае, если царь не пришлет жалованье запорожцам [ПСЗ, 1830, т. I, с. 248]. Приведенные сведения позволяют утверждать, что Богдан Хмельницкий использовал военные приготовления как средство оказания давления на российское правительство. Он пытался склонить Россию к оказанию ему помощи. Между тем, мир, заключенный между запорожцами и польскими властями в 1649 г., позволял

¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Поместного стола. № 39. Л. 262–264.

² См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 323. Л. 610; Л. 616–617; Л. 640; Л. 645–646; Л. 653–656; Л. 680; Л. 720.

³ Там же. № 323. Л. 585–586; Л. 621–623.

российским властям воспринимать черкас как польских подданных и требовать от правительства Речи Посполитой прекращения нападений запорожцев на российские окраины [ВУСР, 1954, т. II, с. 450–451]. Однако дипломатические меры не принесли желаемого результата.

Во время восстания Б.М. Хмельницкого переселение черкас в Россию не прекратилось, в том числе и без принятия российского подданства. Как и раньше незаконных мигрантов пытались выселять [ВУСР, 1954, т. II, с. 453–454]. В конце 1649 г. вольновский воевода Федор Арсеньев в своей отписке сообщал о неэффективности мер по выселению. Те пасечники, которые были удалены из бассейнов рек Мерла и Мерчика, вернулись вновь на прежние места. В этот раз они не собирались мирно покинуть территорию своих промыслов. На многих пасеках были сооружены укрепления («острожки»), в которых пасечники отсиживались от российских служилых людей, а порой и открывали по последним огонь из пищалей¹. Подобная ситуация в это время характерна для Вольновского уезда².

Тем не менее, российские власти настойчиво продолжали пытаться вытеснить незаконных переселенцев со своей территории. Из российских крепостей для осмотра приграничной территории направлялись отряды служилых людей, при обнаружении незаконных переселенцев они требовали покинуть российскую территорию, а при отказе, применяли силу [АЮЗР, 1861, т. III, с. 337–339]. О сложившейся ситуации российские власти сообщили Богдану Хмельницкому, который приказал разобраться в проблеме полковнику Небабе. К последнему были отправлены пострадавшие русские служилые люди, но их жалобы остались без ответа [ВУСР, 1954, т. II, с. 286]. Аналогичная ситуация характерна и для окрестностей г. Недрыгайлова [ВУСР, 1954, т. II, с. 287]. При этом Богдан Хмельницкий заверял, что казакам под страхом строжайшего наказания, вплоть до смертной казни, запрещено переходить границу и нападать на российских подданных [АЮЗР, 1861, т. III, с. 339; 344]. Вероятно, Б.М. Хмельницкому приходилось лавировать, чтобы не портить отношения с российским правительством и сохранить поддержку жителей собственных приграничных земель. В конце 1649 г., в результате выселения с российской территории, пострадали хозяйственные интересы полтавских казаков. Отвечая на их жалобы, гетман обещал, что после того, как он разделается с поляками, то «очистит» для них пасеки и уголья, вплоть до реки Сейм [РИБ, 1906, т. XXIX, стб. 364].

В июне 1650 г. воевода Григорий Болшев писал о поселении значительного количества черкас в Чугуевском уезде. Добровольно они покинуть российскую территорию не хотели, а царского указа о применении силы по отношению к переселенцам не было. В это время Б. М. Хмельницкий заключил мир с польскими властями, и в Белгород из столицы направили грамоту с предписанием предъявлять претензии официальным властям Речи Посполитой³.

Приведенные примеры показывают, что обстановка на российско-украинском пограничье кардинально не изменилась с началом восстания Б.М. Хмельницкого. Напротив, положение осложнилось, поскольку была нарушена система польского государственного управления в указанном регионе.

Решение о подготовке к войне с Речью Посполитой было принято московским правительством в конце 1650 г. [Лызлов, 1958, с. 66; Лызлов, 1959, с. 110]. В это же время в Речи Посполитой стало ясно, что Москва не будет направлять войска против восставших черкас, тогда польские дипломаты стали настаивать на российском походе в Крым [Документы, 1965, с. 47; 53]. В России прекрасно понимали, что такой поход приведет к столкновению с восставшими казаками, которые находились в союзнических отношениях с крымским ханом. Поэтому, правительство Алексея Михайловича весной 1651 г. выдвинуло неперемное условие для осуществления совместного похода: «...чтобы его королевская милость силой или милостью совершенно успокоил казаков и ликвидировал союз с

¹ Там же. № 304. Л. 194 – 195.

² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 129. Л. 583; Столбцы Белгородского стола. № 333. Л. 474–479.

³ Там же. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 291. Л. 316–321.

язычниками (подразумевается договор Б.М. Хмельницкого с крымским ханом. – А.П.)» [Документы, 1965, с. 425]. Таким образом удалось предотвратить втягивание России в невыгодную для нее войну.

В то же время Б.М. Хмельницкого раздражал отказ России в непосредственной военной помощи. По словам очевидцев, 10 мая 1651 г. гетман клялся, глядя на икону: «Будет, на Москву не пойду и не разорю пуще Литвы; я де посылаю ото всего сердца своего, а они лицу моему насмежаютца!» [ВУСР, 1954, т. III, с. 67]. Российское правительство предпринимало необходимые меры, как военные, так и дипломатические. Посол В. Унковский должен был уговорить Богдана Хмельницкого не воевать против «единоверных православных христиан» [ВУСР, 1954, т. III, с. 149].

Вероятно, сказывался Белоцерковский договор, заключенный в сентябре 1651 г. Гетман осознавал необходимость побудить Россию к оказанию непосредственной помощи, а для этого нужны были веские причины, в том числе – угроза серьезных осложнений на южных границах страны. В этой связи становится закономерным возобновление весной 1652 г. слухов о подготовке Б.М. Хмельницким похода на Россию. В результате гарнизоны крепостей на Польской Украине России были усилены дополнительными отрядами казаков, драгун и стрельцов¹. А донские казаки разослали грамоту по своим городкам, находившимся в верхнем течении Дона, с предложением их населению «бежать в осаду на Дон»².

Вместе с тем, в 50-е годы XVII в. продолжался прием черкас на российскую службу. Немногочисленные группы семейных черкас (от 20 до 200 чел.) размещали в городах Белгородской черты. Крупные отряды направляли для поселения в Поволжье, а одиноких черкас отсылали на Дон [ВУСР, 1954, т. III, с. 93–94; 100–101]. В 1651 г. порядок несколько изменился. Теперь группы переселенцев (численностью до двухсот человек) в сопровождении приставов было велено направлять в Яблонов. Здесь воевода Б.А. Репнин должен был распределять их на поселение в Коротояк, Воронеж или Козлов. В случае появления более значительных масс переселенцев, их следовало сразу направлять в Поволжье³.

С началом восстания Б.М. Хмельницкого усилился поток служилых черкас, бежавших из России. Правительство было вынуждено предпринимать определенные шаги. Летом 1651 г. по Белгородской черте были посланы дворяне и подьячие, которые переписали все населенные пункты и передали их жителям государев указ о необходимости задерживать беглецов. За каждого пойманного полагалось вознаграждение, а за укрывательство или содействие беглецу – смертная казнь⁴.

В середине XVII столетия процесс адаптации черкас, служивших российскому царю, еще не завершился, черкасы не до конца осознавали себя служилыми людьми Российского государства и зачастую не до конца понимали те порядки, при которых им предстояло жить. В то же время имеются примеры очень дисциплинированного поведения служилых черкас. Летом 1651 г. крестьяне из Белгородского уезда скопили сено (1120 копен, собранных в 56 стогах) во владениях корочанских черкас, когда те были на службе (строили вал Белгородской черты). Вернувшиеся черкасы не стали применять силу, а подали челобитную, подчеркивая, что без «государева указа» не смеют трогать это сено. В дальнейшем оно было возвращено черкасам, а нарушителей наказали батогами. Подобным образом действовали оскольские черкасы в 1652 г., когда их земли были отданы сыну боярскому Савелию Павлову, который обманул воеводу, назвав черкасские сенные покосы «порозжими землями»⁵. В этом же году, в результате расследования, начатого после подачи служилыми черкасами челобитной, был установлен факт нарушения прав черкас при размежевании их земель с владениями русских казаков и пушкарей в Короче. После расследования спорные земли были возвращены черкасам⁶.

¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 246. Л. 147–149; Л. 267–268.

² Там же. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 349. Л. 56.

³ Там же. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 143. Л. 440–441.

⁴ Там же. Ф. 210. Столбцы Поместного стола. № 39. Л. 35–41.

⁵ Там же. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 281, Л. 44–83; Л. 126.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 252. Л. 30–31.

Приведенные примеры говорят о сохранении тревожной обстановки на российско-украинском порубежье в начале 50-х годов XVII в. Можно отметить сокращение числа пограничных конфликтов, но, несмотря на принятое Земским собором 1653 г. решение о включении Левобережной Украины в состав Российского царства, местные власти продолжали сохранять настороженность по отношению к черкасам. Кроме того, черкасы, жившие на российской земле и уже поверстанные на государственную службу, еще не полностью адаптировались к новым для себя условиям, что создавало дополнительные сложности на порубежье.

Анализ обстановки в зоне юго-западного фронта в 1648–1653 гг. позволяет заключить, что с началом восстания Б.М. Хмельницкого в 1648 г. обстановка на границе между украинскими землями Речи Посполитой и Россией осложнилась, и до конца 1650 г. тенденция к сближению сторон не прослеживается. Принятый в Москве курс на вхождение Украины в состав Российского царства не изменил принципиально ситуацию в зоне непосредственного контакта населения смежных территорий. Настороженность в отношении черкас сохранялась вплоть до 1654 г. Российско-украинские отношения, вплоть до объединения, определялись политическим расчетом и соображениями государственной безопасности. Новым явлением стали прямые переговоры с Войском Запорожским, признанным де-факто обладателем суверенных прав. Однако это обстоятельство не изменило отношения к черкасам в приграничной зоне. Они по-прежнему рассматривались как иностранные подданные. Ситуация изменилась только после Переяславской рады 1654 г., когда запорожцы и всех жители Левобережья присягнули на верность российскому царю, в результате чего все они стали подданными Российского государства, а рассматриваемая территория перестала быть приграничной зоной.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00313 А: «Русский фронтир: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Список литературы References

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., Тип. Экспедиции заготовл. гос. бумаг, 1841. Т. II. 442, 29.
Aktih istoricheskie, sobrannihe i izdannihe Arkheograficheskoyu komissieyu. SPb., Tip. Ekspeditsii zagotovl. gos. bumag, 1841. T. II. 442, 29.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., Тип. Экспедиции заготовл. гос. бумаг, 1841. Т. III. 520.
Aktih istoricheskie, sobrannihe i izdannihe Arkheograficheskoyu komissieyu. SPb., Tip. Ekspeditsii zagotovl. gos. bumag, 1841. T. III. 520.
3. Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. Ред. Н.А. Попов. СПб., Тип. Акад. наук, 1890. Т. I. XLIV, 767.
Aktu Moskovskogo gosudarstva, izdannye imperatorskoyu Akademieyu nauk. Red. N.A. Popov. SPb., Tip. Akad. nauk, 1890. T. I. XLIV, 767.
4. Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. Ред. Н.А. Попов. СПб., Тип. Акад. наук, 1896. Т. II. XLV, 773.
Aktu Moskovskogo gosudarstva, izdannye imperatorskoyu Akademieyu nauk. Red. N.A. Popov. SPb., Tip. Akad. nauk, 1896. T. II. XLV, 773.
5. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Ред. Н.И. Костомаров. СПб., Тип. Кулешова, 1861. Т. III. I, 561.
Aktu, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu. Red. N.I. Kostomarov. SPb., Tip. Kuleshova, 1861. T. III. I, 561.
6. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб., Тип. II отделения, 1836. Т. II. 392, 19.

Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiyu imperatorskoy Akademii nauk. SPb., Tip. II otdeleniya, 1836. T. II. 392, 19.

7. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб., Тип. II отделения, 1836. Т. III. 496, 24.

Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiyu imperatorskoy Akademii nauk. SPb., Tip. II otdeleniya, 1836. T. III. 496, 24.

8. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб., Тип. II отделения, 1836. Т. IV. 500, 21.

Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiyu imperatorskoy Akademii nauk. SPb., Tip. II otdeleniya, 1836. T. IV. 500, 21.

9. Багалея Д.И. 1886. К истории заселения степной окраины Московского государства. Журнал министерства народного просвещения. 7: 264–287.

Bagaley D.I. 1886. K istorii zaseleniya stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 7: 264–287.

10. Бантыш-Каменский Д.Н. 1842. История Малой России. Ч. I. М., Изд-во Логвинова, 318, 80.

Bantysh-Kamenskiy D.N. 1842. Istoriya Maloy Rossii. Ch. I. M., Izd-vo Logvinova, 318, 80.

11. Беляев И. 1846. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., Унив. тип., 56, 86.

Belyaev I. 1846. O storozhevoy, stanichnoy i polevoy sluzhbe na Pol'skoy ukraine Moskovskogo gosudarstva do tsarya Alekseye Mikhaylovicha. M., Univ. tip., 56, 86.

12. Брехуненко В.А. 2011. Козаки на Степовому Кордоні Європи. Типологія козацьких спільнот XVI – першої половини XVII ст. Київ, Інститут археології та джерелознавства ім. М.С. Грушевського, 504.

Brekhunenko V. A. 2011. Kozaki na Stepovomu Kordoni Evropi. Tipologiya kozacjkih spiljnot XVI – pershoї polovini XVII st. Kiїv, Institut arkheografії ta dzhereloznavstva im. M. S. Grushevsjkogo, 504.

13. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах. Ред. П.П. Гудзенко и др. М., Изд-во АН СССР, 1954. Т. II. 559.

Vossoedinenie Ukrainy s Rossiej. Dokumenty i materialy v 3-kh tomakh. Red. P.P. Gudzenko i dr. M., Izd-vo AN SSSR, 1954. T. II. 559.

14. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах. Ред. П.П. Гудзенко и др. М., Изд-во АН СССР, 1954. Т. III. 645.

Vossoedinenie Ukrainy s Rossiej. Dokumenty i materialy v 3-kh tomakh. Red. P.P. Gudzenko i dr. M., Izd-vo AN SSSR, 1954. T. III. 645.

5. Гісцова Л. З. 1979. Документи ЦДІА УРСР про визвольну війну українського народу 1648–1654 рр. та возз'єднання України з Росією. Архіви України. 2: 44–47.

Giscova, L. Z. 1979. Dokumenti CDIA URSR pro vizvoljnu viyjnu ukrainsjkogo narodu 1648–1654 rr. ta vozz'ednaniya Ukraїni z Rosieyu. Arkhivi Ukraїni. 2: 44–47.

6. Документы об освободительной войне украинского народа. 1648–1654 гг. Сост. А.З. Барабой и др. Киев, Наук. думка, 1965. 826.

Dokumenty ob osvoboditel'noy voyne ukrainskogo naroda. 1648–1654 gg. Sost. A.Z. Baraboy i dr. Kiev, Nauk. dumka, 1965. 826.

7. Дядиченко В., Стецюк Е. 1954. Борьба украинского народа за воссоединение Украины с Россией. Киев, Госполитиздат УССР, 142.

Dyadichenko, V., Stecyuk, E. 1954. Borjba ukrainskogo naroda za vossoedinenie Ukrainih s Rossiej. Kiev, Gospolitizdat USSR, 142.

8. Козаченко А.И. 1952. Воссоединение Украины с Россией. М., Знание, 40.

Kozachenko, A.I. 1952. Vossoedinenie Ukrainih s Rossiej. M., Znanie, 40.

9. Крип`якевич І.П. 1966. Адміністративний поділ України 1648–1654 рр. Історичні джерела та їх використання. Київ, Наук. думка, 123–148.

Krip`yakevich, I. P. 1966. Administrativnij podil Ukraїni 1648–1654 rr. Istorichni dzherela ta ikh vikoristannya. Kiїv, Naukova dumka, 123–148.

10. Кулаковський П. 2006. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). Київ, Темпора, 496.

Kulakovskij P. 2006. Chernigovo-Siverthina u skladi Rechi Pospolitoi (1618–1648). Kiїv, Tempora, 496.

11. Лызлов Г.М. 1958. Польско-русские отношения в начальный период Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., Изд-во АН СССР, 24: 58–82.

Lizlov, G.M. 1958. Poljsko-russkie otnosheniya v nachal'nyy period Osvobo-ditel'noy voyzny ukraïnskogo naroda 1648–1654 gg. Kratkije soobsheniya Instituta slavyanovedeniya AN SSSR. M., Izdatel'jstvo AN SSSR, 24: 58–82.

12. Лызлов Г.М. 1959. К вопросу о вступлении России в войну с Польшей в 1654 г. Ученые записки Казахского государственного университета. Алма-Ата, Изд-во Казахского госуниверсите-та: 103–113.

Lyzlov G.M. 1959. K voprosu o vstuplenii Rossii v voynu s Pol'shey v 1654 g. Uchenye zapiski Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta. Alma-Ata, Izd-vo Kazakhskogo gosuniversiteta: 103–113.

13. Папков А.И. 2011. «Юг России» в XVI столетии: содержание термина. Сборник научных трудов VI Международной научной конференции «Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». Отв. ред. И.Т. Шатохин. Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», ООО «ГиК»: 124–131.

Papkov A.I. 2011. «Yug Rossii» v XVI stoletii: sodержanie termina. Sbornik nauchnykh trudov VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Yug Rossii i Ukraina v proshlom i nastoyashchem: istoriya, ekonomika, kul'tura». Otv. red. I. T. Shatokhin. Belgorod: Izd-vo NIU «BelGU», ООО «GiK»: 124–131.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. СПб., Тип. имп. канцелярии, 1830. Т. I: 1649 – 1675 годы (№ 1–618). 1029.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. pervoe. SPb., Tip. imp. kantselyarii, 1830. T. I: 1649 – 1675 gody (№ 1–618). 1029.

15. Поршнев Б.Ф. 1964. На путях к Поляновскому миру 1634 г. Международные отношения. Политика. Дипломатия XVI–XX века. Ред.-сост. В. В. Альтман. М., Наука, 512–537.

Porshnev B.F. 1964. Na putyakh k Polyanovskomu miru 1634 g. Mezhdunarodnye otnosheniya. Politika. Diplomatiya XVI–XX veka. Red.-sost. V. V. Al'tman. M., Nauka, 512–537.

16. Русская историческая библиотека. Донские дела. Кн. II. Ред. В.Г. Дружинин. СПб., Изд-во Акад. наук., 1906. Т. XXIV. 1112 стб., 69.

Russkaya istoricheskaya biblioteka. Donskie dela. Kn. II. Red. V.G. Druzhinin. SPb., Izd-vo Akad. nauk., 1906. T. XXIV. 1112 stb., 69.

17. Смолий В.А., Степанков В.С. 1999. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.). Київ, Альтернативи, 352.

Smolij V.A., Stepankov V.S. 1999. Ukraïnsjka nacionaljna revolyuciya XVII st. (1648–1676). Kiiiv, Aljternativi. 352.

18. Тхоржевский С. 1923. Государственное земледелие на южной окраине Московского государства в XVII в. Архив истории труда в России. Пг., Губсовпроф, Кн. 8: 64–78.

Tkhorzhevskiy S. 1923. Gosudarstvennoe zemledelie na yuzhnoy okraïne Moskovskogo gosudarstva v XVII v. Arkhiv istorii truda v Rossii. Pg., Gubsovprof, Kn. 8: 64–78.